

Г. А. КЛИМОВ

ВОПРОСЫ КОМПАРАТИВИСТИКИ В ТРУДАХ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Как известно, лингвистические интересы Ф. Энгельса стимулировались прежде всего необходимостью решения тех или иных вопросов общесоциологической проблематики. При очень широкой временной перспективе этих исследований, нередко уходящей в глубь доистории — в период существования родового общества, вполне понятно, если иметь в виду скудость соответствующих источников, и его неоднократное обращение к различного рода языковым свидетельствам. Подобные апелляции к языку встречаются в наследии Ф. Энгельса настолько часто и имеют при этом столь основательный характер, что они с несомненностью свидетельствуют не только об энциклопедическом складе ума их автора, но и о его специальных интересах в области лингвистики. Наиболее красноречивым доказательством этому может послужить его лингвистическое исследование «Франкский диалект», посвященное вопросам исторической диалектологии германских языков¹. Об этом же говорят и другие работы, переписка и, наконец, многие факты его биографии. Многоаспектная по своему содержанию тема Ф. Энгельса и языкознание включает, в частности, и проблематику сравнительно-исторического языкознания, современником больших успехов которого ему посчастливилось быть.

Отношение Ф. Энгельса к сравнительно-историческому языкознанию логически вытекало из его известной формулировки, согласно которой «...материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам². Совершенно новую эпоху, наступившую с начала XIX в. в развитии науки о языке вместе со становлением компаративистики, он отчетливо противопоставлял «сравнительному» языкознанию XVIII в., в частности, «ерундовской старонемецкой этимологии — по Аделунгу, у которого сплошное вранье»³, а также по существу собирательской деятельности Ю. Клапрота, получившей у Ф. Энгельса лишь немногим более благоприятную характеристику⁴. Критикуя на фоне последних достижений индоевропейской компаративистики узкоприкладную по своему содержанию программу филологического образования, предлагавшуюся для граждан общества будущего Е. Дюрингом, он писал: «Ясно, что мы имеем дело с филологом, никогда ничего не слышавшим об историческом языкознании, которое за последние 60 лет получило такое мощное и плодотворное развитие, — и поэтому-то г-н Дюринг ищет „в высокой степени современные образовательные элементы“ изучения языков не у Боппа,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 518—546.

² Там же, т. 20, стр. 333.

³ Там же, т. 27, стр. 39.

⁴ Там же, т. 28, стр. 23.

Гримма и Дица, а у блаженной памяти Хейзе и Беккера»⁵. Ф. Энгельс обратил внимание и на работы английского филолога У. Джонса⁶, одним из первых обнаружившего родство санскрита с рядом языков Европы и сыгравшего видную роль в ознакомлении европейских лингвистов с персидским языком и санскритом.

В лингвистических штудиях самого Ф. Энгельса компаративистика занимала довольно видное место. Фактически на протяжении всей своей жизни он время от времени возвращался, по его собственным словам, к «своей старой любви — сравнительной филологии»⁷; эта склонность впервые проявилась у него еще в юношеские годы. В письме от 1 марта 1869 г. К. Маркс, обращаясь к Ф. Энгельсу за одной лингвистической справкой, прямо называет его исследователем в области сравнительного языкознания⁸.

В круг занятий Ф. Энгельса-компаративиста входило изучение не только многих современных индоевропейских языков, но и целого ряда древних. Из более экзотических для европейской науки того периода языков здесь следует назвать персидский, санскрит, а также древнеирландский (знакомство с последним позволило ему опираться на первоисточники в ходе работы над «Историей Ирландии»). О своем способе изучения языков Ф. Энгельс пишет: «Вот какого метода я всегда придерживаюсь при изучении какого-либо языка: не заниматься грамматикой (за исключением склонений и спряжений, а также местоимений), а читать со словарем самые трудные произведения классического автора, какие только можно найти. Так, итальянский я начал с Данте, Петрарки и Ариосто, испанский — с Сервантеса и Кальдерона, русский — с Пушкина; затем я читал газеты и прочее»⁹. В своих работах и переписке он нередко применял аппарат сравнительно-исторического языкознания, в каком виде он сложился к тому времени: приводил межъязыковые этимологические соответствия, оперировал формулами звуковых корреспонденций, использовал праязыковые архетипы и т. д. О том, насколько внимательно Ф. Энгельс следил за прогрессом индоевропеистики, можно судить, например, по тому факту, что еще за несколько лет до выхода в свет исследования Фр. Боппа о принадлежности албанского языка к индоевропейским, когда в его распоряжении могла быть только касающаяся этого вопроса работа И. Ксиландера¹⁰, он писал, что народ арнаутов «говорит на своем особом языке, принадлежащем, по-видимому, к великой индоевропейской семье языков»¹¹. Переписка классиков марксизма свидетельствует о том, что Ф. Энгельс неоднократно консультировал К. Маркса и позднее — П. Лафарга по конкретным вопросам индоевропейской (главным образом — германской и романской) и, отчасти, семитической этимологии¹².

В компаративистических занятиях Ф. Энгельса особое место принадлежало двум областям — славистике и германистике. Свой специальный интерес к славянскому языкознанию он засвидетельствовал еще в одном из своих равных писем, адресованных К. Марксу¹³. Вероятно, мало кому известен факт, что одно время — по всей вероятности, с самого начала пятидесятых годов — Ф. Энгельс предполагал написать сравнительную

⁵ Там же, т. 20, стр. 333—334.

⁶ Там же, т. 28, стр. 223.

⁷ Там же, т. 29, стр. 477.

⁸ Там же, т. 32, стр. 211.

⁹ Там же, т. 36, стр. 46.

¹⁰ J. X y l a n d e r, Die Sprache der Albanesen oder Schkipetaren, Frankfurt a. M., 1835.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 7.

¹² Ср., например: там же, т. 30, стр. 339; т. 32, стр. 40, 41, 47; т. 38, стр. 91 и др.

¹³ См.: там же, т. 28, стр. 30—31.

грамматику славянских языков. С этим замыслом, по-видимому, в немалой степени связано то обстоятельство, что начиная с 1851 г. он приступил к более или менее регулярному изучению русского, чешского, словенского и сербскохорватского языков, из которых последний давался ему, по его собственному признанию, легче других¹⁴. Позже к ним был присоединен и болгарский. Сохранилось несколько документальных свидетельств того, как основательно Ф. Энгельс штудировал в этот период специальные работы представителей наиболее сильной в то время австрийской славянистической школы. Среди них следует назвать исследования Й. Добровского, П. Шафарика, В. Копитара, А. Шлецера, В. Ганки и особенно Ф. Миклошича. Й. Добровского он считал «основоположником научной филологии славянских диалектов»¹⁵, а Ф. Миклошича с полным основанием характеризовал как «виднейшего современного слависта»¹⁶ и неоднократно прибегал к ссылкам на его авторитет (так было, например, когда Ф. Энгельс высказывался за самостоятельный статус украинского как языка)¹⁷.

О профессионализме его подхода к этим работам говорит то обстоятельство, что он всегда ограничивал их объективно ценное с точки зрения науки содержание от всего того, что было продиктовано свойственной по крайней мере некоторым из них ориентацией на реакционную концепцию панславизма. В частности, неоднократные высказывания Ф. Энгельса по вопросам классификации славянских языков были у него увязаны с задачами критики псевдонаучной теории единого для всех славян «славянского» языка. В этих высказываниях, относящихся еще ко времени до появления в свет фундаментальных трудов Ф. Миклошича, он подчеркивал значительную степень дифференцированности основных славянских языков. Всего он насчитывал до двенадцати «основных языков и диалектов» этой языковой группы (русский, украинский, польский, чешский, оба лужицких, словенский, сербскохорватский, болгарский, македонский, древнеперковнославянский, и, возможно, так называемый «русийский», нередко выделявшийся в работах немецких ученых того времени), которые объединялись им в четыре или пять ветвей¹⁸.

О степени владения Ф. Энгельсом славянским корнесловом свидетельствуют не только встречающиеся в его наследии отдельные комментарии (так, по поводу фамилии Флеровского он замечает, что «... имя это не славянское, и тем более не русское, ни одно русское слово не начинается с *фл*, кроме фланговый, флот, фланкировать и т. д. ...»¹⁹). Показательно в этом отношении и содержащееся в одном из его писем сообщение о том, что славянская этимология наряду с латинской помогает ему в изучении румынского языка, в какой-то степени компенсируя отсутствие под руками надлежащего словаря²⁰.

В очень продолжительный манчестерский период жизни Ф. Энгельса существенную помощь его сравнительным штудиям оказывал К. Маркс,

¹⁴ См.: там же, т. 30, стр. 284.

¹⁵ См.: там же, т. 11, стр. 204.

¹⁶ Там же, т. 22, стр. 19.

¹⁷ См.: там же.

¹⁸ См.: там же, т. 6, стр. 179, 181—182. Интересно, что, столкнувшись с проблемой разграничения языка и диалекта, Ф. Энгельс задолго до специальной постановки этого вопроса в социолингвистике отказывается от апелляции к структурным признакам и прибегает к социологическому по своей сущности критерию использования носителями того или иного диалекта определенного литературного языка (см.: там же, т. 13, стр. 619—620). Другим использованным Ф. Энгельсом критерием такого разграничения был признак наличия или отсутствия языкового взаимопонимания (см.: там же, т. 11, стр. 204—205).

¹⁹ Там же, т. 32, стр. 303.

²⁰ См.: там же, т. 37, стр. 3.

извещавший его из Лондона о славистических и германистических изданиях, а также об отдельных языковых памятниках, попадавших в поле его зрения во время работы в библиотеке Британского музея. Ф. Энгельс внимательно следил за соответствующей литературой. Из его ответа на одну из очередных информаций „ad slavica“ К. Маркса видно, что перечисленные последние работы были так или иначе известны Ф. Энгельсу²¹.

Служебные обстоятельства, а также параллельно протекавшая работа над циклом исследований по военной стратегии не позволили, однако, ему вплотную в действительность наиболее крупное задуманное в этой области предприятие. В письме к Ф. Лассалю от 14 марта 1859 г. он писал по этому поводу следующее: «Но когда целый день занимаешься благой коммерцией (речь идет о служебной деятельности Ф. Энгельса в конторе фирмы.— Г. К.), то в области такой колоссально обширной науки, как филология, не удается выйти за рамки чистейшего дилетантизма, и если я некогда делал смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков, то теперь я уже давно отказался от этого, в особенности после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич»²². Впрочем о том, насколько славистические занятия Ф. Энгельса были «чистейшим дилетантизмом», достаточно красноречиво свидетельствует данная в одном из его писем оценка действительно дилетантской обзорной книги Ф. Эйхгофа о славянских языках и литературах²³.

В последующий период лингвистические интересы Ф. Энгельса все отчетливее смещались в сторону истории германских языков, что было непосредственно связано с его многолетними исследованиями в области истории древних германцев. По переписке Ф. Энгельса видно, что начиная с 60-х годов все более заметной становится его внимание к конкретным вопросам сравнительной германистики. Так, в одном письме он сообщает: «Я в последнее время немного занимался фризско-англо-ютско-скандинавской филологией...»²⁴. В другом говорится: «На этой неделе я основательно занимался голландско-фризским языком и нашел там весьма любопытные вещи с филологической точки зрения»²⁵. К 1865 г. относится выполненный им немецкий перевод стародадатской народной песни «Барин Тидман».

Известно, что Ф. Энгельс достаточно хорошо знал основные германские языки. Немало времени он посвятил и изучению их исторических предшественников. В письме к К. Марксу от 4 ноября 1859 г. содержится нечто вроде программы его занятий в области последних. Здесь сообщается: «Я теперь совсем увяз в Ульфиле; надо же когда-нибудь покончить с проклятым готским языком, которым я до сих пор занимался лишь мимоходом. К своему удивлению, убеждаюсь, что знаю гораздо больше, чем думал; если получу еще какое-нибудь пособие, то рассчитаю вполне справиться с этим в две недели. Тогда перейду к древненорвежскому и англосаксонскому, которыми я тоже всегда владел недостаточно прочно. До сих пор работаю без словаря или каких-либо других пособий:

²¹ См.: там же, т. 29, стр. 23.

²² Там же, т. 29, стр. 477. Имеется в виду: Fr. Miklosich, Vergleichende Lautlehre der slawischen Sprachen, Wien, 1852; его же, Vergleichende Formenlehre der slavischen Sprachen, Wien, 1856.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 23. Имеется в виду: F. G. E i c h h o f f, Histoire de la langue et de la littérature des slaves, russes, serbes, bohèmes, polonais et lettons..., Paris, 1839.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 5.

²⁵ Там же, т. 32, стр. 229.

у меня только готский текст и Гримм, но старик действительно изумителен»²⁶.

Следует отметить, что Ф. Энгельс вообще очень высоко оценивал Я. Гримма как основоположника сравнительной грамматики германских языков и считал его гениальным ученым. Помимо только что упомянутой работы, он внимательно штудировал «Немецкий словарь», подготовленный под руководством Я. Гримма и особенно — его двухтомную «Историю немецкого языка»²⁷, которую называл классическим трудом²⁸. К. Маркс был полностью солидарен с энгельсовской оценкой Я. Гримма; это дало себя знать в критике им взгляда Б. Бауэра, считавшего Й. Добровского гораздо «более выдающимся, чем Я. Гримм, и даже называвшего его «отцом сравнительного языкознания»²⁹.

Энгельсовская концепция сравнительной грамматики германских языков в какой-то мере находит свое отражение в его исследовании «Франкский диалект», в котором Ф. Энгельсом вносятся существенные коррективы в традиционную классификацию древнегерманских диалектов, основы которой были выдвинуты еще Я. Гриммом. Немало высказываний по отдельным вопросам сравнительной грамматики германских языков разбросано и в письмах Ф. Энгельса. Так, например, характеризуя медленные по сравнению с другими германскими языками темпы развития исландского языка, он отмечал, что исландец и в настоящее время «... говорит еще на том же самом языке, на каком изъяснялись... викинги 900 года»³⁰. В другом контексте он касается языковой принадлежности ютов, мигрировавших вместе с англами и саксами в Англию³¹.

Как известно, преимущественным объектом внимания Ф. Энгельса-германиста была проблема диалектного членения древнегерманской языковой области и его последующего преобразования. Во «Франкском диалекте» он продемонстрировал во всей исторической конкретности сложность процесса языковой филиации, определяющегося не только явлениями дивергенции, но и фактами параллельного и, наконец, контактного развития. Едва ли возможно сомневаться в том, что уже самый факт сосредоточения данного исследования на разносторонней характеристике этого процесса служит очевидным свидетельством неприятия Ф. Энгельсом прямолинейной схемы языковой дифференциации, популярной во многих компаративистических работах того времени. Конкретную характеристику концепции сравнительной грамматики германских языков, которой придерживался Ф. Энгельс, мы оставляем здесь в стороне, поскольку она составляет уже предмет специального германистического исследования³².

В наследии Ф. Энгельса встречается несколько указаний на то, что в известной степени он был знаком и со сравнительной грамматикой романских языков; ср., например, его довольно подробные замечания об историческом соотношении фонетического и грамматического строя провансальского языка и североитальянских диалектов Пьемонта и Ломбардии³³. Как сообщается в одном из писем Ф. Энгельса, со «Сравнитель-

²⁶ Там же, т. 29, стр. 406. Имеется в виду: J. G r i m m, Deutsche Grammatik I—IV, Göttingen, 1819—1837.

²⁷ J. G r i m m, Deutsches Wörterbuch, I, Leipzig, 1854; его же, Geschichte der deutschen Sprache, I—II, Leipzig, 1848.

²⁸ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 19, стр. 483.

²⁹ См.: там же, т. 28, стр. 389.

³⁰ Там же, т. 27, стр. 71.

³¹ Там же, т. 31, стр. 4.

³² См. в этой связи: В. М. Ж и р м у н с к и й, Немецкая диалектология, М., 1956, стр. 45—63; его же, Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, М.—Л., 1964, стр. 11—52 и др., а также: Т. Ф р и н г с, Энгельс как филолог, сб. «Немецкая диалектография», М., 1955.

³³ См.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 13, стр. 619—620.

ной грамматикой романских языков» Ф. Дица — очевидно, имеются в виду два ее первых тома³⁴ — он познакомился около 1840 г.³⁵

Коротко остановимся на некоторых общих положениях компаративистики, разделявших Ф. Энгельсом. В энгельсовском понимании путей формирования лингвистических семей прежде всего подчеркивается роль процесса языковой дивергенции. Об этом красноречиво свидетельствуют, например, несколько хорошо известных высказываний из его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Здесь указывается, в частности: «На примере североамериканских индейцев мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному матерiku; как племена, расчлениаясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства...»³⁶ (в этой цитате содержится и фактическое признание неограниченности процесса языковой дивергенции). Характеризуя политическое объединение ирокезских племен, сложившееся не позднее начала XV в. в Северной Америке, Ф. Энгельс отмечает, что их «общий язык, имевший различия только в диалектах, был выражением и доказательством общего происхождения»³⁷. В соответствии с этим в истории германских языков он прежде всего подчеркивал факт их генетической зависимости от общеевропейского состояния. Он отмечал, в частности, что в готском языке «формы флексий в спряжении настоящего времени (изъявительного наклонения) еще тесно примыкают к формам искони родственных языков, особенно греческого и латинского, с соблюдением передвижения согласных»³⁸.

Выше уже говорилось о том, что Ф. Энгельс не принимал прямолинейной схемы языковой филиации, выдвинутой А. Шлейхером. Судя по ряду высказываний, он видел различный удельный вес процессов языковой дивергенции и конвергенции в разные эпохи. Для ранних обществено-экономических формаций характерен первый. Об этом говорит высказывание Ф. Энгельса, согласно которому «... новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и теперь»³⁹. Вместе с тем для более поздних этапов развития общества, особенно же начиная с эпохи капитализма, классики марксизма подчеркивают усиление в языках роли всякого рода центростремительных процессов, обусловленных как экономической, так и политической концентрацией. На фактах контактной природы языковых явлений Ф. Энгельс неоднократно останавливается при рассмотрении вопросов древнегерманской диалектологии. Аналогичные явления отмечаются им и в другой связи. Например, в контексте, посвященном провансальскому языку, который имел в прошлом блестящую литературу, Ф. Энгельс пишет, что после трехсотлетней борьбы он оказался фактически низведенным до уровня французского диалекта⁴⁰.

Имеются два замечания Ф. Энгельса о румынском языке, по-видимому, указывающие на то, что он разделял тезис об односторонней генетической принадлежности языков. Так, несмотря на то обстоятельство, что носители этого языка, по его образному выражению, «... с одинаково оче-

³⁴ F. g. Dietz, Grammatik der romanischen Sprachen, I, Bonn, 1836; II, Bonn, 1838.

³⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 41, стр. 459.

³⁶ Там же, т. 21, стр. 97.

³⁷ Там же, стр. 96.

³⁸ Там же, т. 19, стр. 493.

³⁹ Там же, т. 21, стр. 93.

⁴⁰ Там же, т. 5, стр. 378; ср. также: т. 13, стр. 619.

ровательной небрежностью обращаются с латинским и со славянским (из которого восприняли много слов и звуков)», он рассматривал румынский язык как одно из современных продолжений латинского⁴¹. Согласно его другому замечанию, румыны представляют собой сильно смешанный народ, говорящий на языке, который происходит от латинского⁴².

Ф. Энгельс безоговорочно разделял тезис о тесной связи языка и общества, истории языка и истории народа, отчетливо сформулированный уже в работах Я. Гримма. Наличие такой связи он констатировал, например, когда, характеризуя терминологию родства в североамериканском языке сенека, подчеркивал, что «...это — не просто не имеющие значения названия, а выражения фактически существующих взглядов на близость и дальность, одинаковость и неодинаковость кровного родства...»⁴³. На этом убеждении и основано его неоднократное обращение в своих работах к популярной в то время методике «слов и вещей» («Wörter und Sachen»), позволяющей на основе анализа конкретного лингвистического материала реконструировать соответствующие реалии общественной жизни. В одном месте он прямо пишет: факт, что германцы принесли с собой со своей азиатской родины знакомство с употреблением металлов (подобно большинству индоевропейцев своего времени Ф. Энгельс придерживался гипотезы об азиатской прародине индоевропейских языков. — Г. К.), доказывает сравнительное языкознание»⁴⁴. В другом месте он присоединяется к известным выводам культурно-исторического порядка, сделанным индоевропейстикой на том основании, что «у европейских и азиатских арийцев домашние животные имеют еще общие названия, культурные же растения — почти никогда»⁴⁵. В третьем — он замечает, что самоназвания бедуинских племен типа Бени-Салед, Бени-Юсуф и т. д. обязаны своим происхождением древнепатриархальному способу их существования⁴⁶.

Приведем в этой связи следующее рассуждение Ф. Энгельса, связанное с предпринятой им реконструкцией структуры родового общества у древних германцев: «Латинское слово *rex* соответствует кельтско-ирландскому *righ* (старейшина племени) и готскому *reiks*; что последнее слово, как первоначально и немецкое *Fürst* (означает то же, что по-английски *first*, по-датски *förste*, то есть „первый“), означало также старейшину рода или племени, явствует из того, что готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника своего народа: *thiudans*. Артаксеркс и Ирод в библии, переведенной Ульфилой, никогда не называются *reiks*, а только *thiudans*, государство императора Тиберия — не *reiki*, а *thiudinassus*»⁴⁷.

Вместе с тем можно привести некоторые высказывания Ф. Энгельса, свидетельствующие о понимании им тех трудностей, с которыми нередко сталкивается компаративист при использовании этой методики. Так, в одном контексте он говорит, в частности, о том, что «памятники языка оставляют перед нами открытым вопрос относительно того, существовало ли у всех германцев общее выражение для обозначения рода — и какое именно»⁴⁸. В этом отношении особенно интересно его следующее высказыва-

⁴¹ Там же, т. 36, стр. 520.

⁴² Там же, т. 9, стр. 7.

⁴³ Там же, т. 21, стр. 34.

⁴⁴ Там же, т. 19, стр. 476.

⁴⁵ Там же, т. 21, стр. 31.

⁴⁶ Там же, т. 28, стр. 209.

⁴⁷ Там же, т. 21, стр. 127 (примеч.).

⁴⁸ Там же, стр. 135.

ние. «Первые общественные установления, которые были введены в действие, — пишет он, — неизбежно были связаны с производством и способами добывания средств к жизни. Вполне естественно, что это подтверждается развитием языка. Но если пойти дальше и вывести из этимологии *legere* и *vémo* (относительно этимологии обоих слов у Ф. Энгельса консультировался П. Лафарг в одном из своих писем. — Г. К.) законченную систему, то это может привести лишь к фантастическим результатам, хотя бы по той причине, что мы не знаем, в какое время образовалось каждое отдельное производное слово, и еще меньше знаем, когда оно получило то значение, в котором дошло до нас. А кроме того, старые этимологи, подобно Вико, — плохие советчики... Этимологию, как и физиологию и всякую другую „логию“, — заключает Энгельс, — нужно изучать, ее нельзя изобретать»⁴⁹. Отсюда, между прочим, и вытекал ряд его возражений⁵⁰ в адрес некоторых ошибочных этимологических сближений, предпринятых П. Лафаргом в его известной статье о французском языке до и после революции⁵¹.

Ф. Энгельс, по-видимому, вообще сомневался в возможности установления сколько-нибудь прямолинейных корреляций между явлениями языка и общества. Он, например, подчеркивал, что «едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных, превратившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судет до Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю Германию»⁵².

При характеристике компаративистических взглядов Ф. Энгельса нельзя не учитывать, что многие из его высказываний относятся к тому периоду, когда сравнительно-историческое языкознание по существу еще делало свои первые уверенные шаги. Вполне естественно поэтому, что дальнейшее развитие науки о языке внесло существенные видоизменения в некоторые положения компаративистики, разделявшиеся в свое время Ф. Энгельсом. Так, например, такие понятия, как индоевропейский, семитический и т. п., имеют в настоящее время исключительно лингвистический, а не сколько-нибудь более широкий смысл, что было общим местом компаративистики прошлого столетия. В современном индоевропейском языкознании по существу оставлена и гипотеза об азиатской прародине индоевропейских языков, разделявшаяся Ф. Энгельсом⁵³ (вслед за авторитетами индоевропейистики прошлого он признавал факт продвижения индийских языков в область Пятиречья и в долину Ганга из смежных районов Средней Азии). Следует отметить, впрочем, что, как правило, это были взгляды, стоявшие на переднем крае современной ему компаративистики.

В плане истории науки наиболее важным представляется то обстоятельство, что в период почти безраздельного господства в языкознании натуралистической и позднее младограмматической доктрин Ф. Энгельс и в компаративистике последовательно отстаивал принципы социально-исторического рассмотрения языка.

⁴⁹ Там же, т. 36, стр. 256—257.

⁵⁰ Там же, т. 37, стр. 37—39.

⁵¹ F e r g u s, *La langue française avant et après la Révolution*, «Nouvelle revue», 51, Paris, 1888 (русский перевод: П о л ь Л а ф а р г, *Язык и революция*. Французский язык до и после революции. М.—Л., 1930).

⁵² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, *Соч.*, т. 37, стр. 395.

⁵³ Ср.: там же, т. 19, стр. 329, 444—445, 450, 476; т. 20, стр. 645; т. 21, стр. 57; т. 37, стр. 38.